

Конева А.В. «Умники» и «знайки» — альтернативы образования. — Идея Университета и топос мысли. Материалы научной конференции. Самара, 2005.

«УМНИКИ» И «ЗНАЙКИ» — АЛЬТЕРНАТИВЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Анна КОНЕВА

Когда появились первые университеты, «страшно далеки они были от народа». Их задачей вовсе не было обучение профессиям, ибо профессионализм достигался непосредственным опытом, получаемом в многотрудном деле добычи мастерства. Университет с самого начала получил привилегию уделять внимание делам непрактичным, и спор об универсалиях, оставивший след в истории философской мысли тому свидетельство.

Единственным требованием к поступающим в университет в ту эпоху было знание латыни. Все остальное студенты осваивали за долгие годы школярства. «Подготовительный» факультет семи свободных искусств был плацдармом овладения умением учиться, лекции, на которых профессор читал книгу (*lectio* — чтение), прерывая чтение своими комментариями, чередовались с диспутами, на которых студенты овладевали способностью комментировать ученые труды и аргументировать свои комментарии. На этом факультете «мученики средневековой науки» могли учиться годами, прежде чем получали степень магистра, дающую им право поступить на вторую ступень обучения.

Вторая ступень университетского образования предполагала обучение конкретным наукам, должным стать профессией для студента. Здесь обучение тоже длилось довольно долго, так магистр искусств мог получить степень лиценциата медицины через 5 лет обучения, лишь после 7 лет трудов праведных, он достигал звания бакалавра богословия, и еще через 7 лет мог добиться лиценциата.

Медицинский, юридический и теологический факультеты первых университетов давали довольно глубокие конкретные знания, однако с практикой эти знания не имели соприкосновения. Столь углубленное и долгое изучение науки объяснялось системой чтения лекций — за 5-7 лет профессора прочитывали перед студентами авторитетные труды (рукописные, а потому столь редкие), и обучали их искусству комментировать оные. Список обязательно литературы стоял во главе университетского образования. Впрочем, студенты осваивали этот список весьма добросовестно — все нужные книги заучивались ими почти наизусть.

Главным оставалось философское осмысление человека, общества, божественного порядка. Так, не стала университетом Салернская медицинская школа, которая игнорировала ставшее популярным с начала XIII века арабское медицинское учение, основанное на идее химического воздействия лекарств на организм, сохраняя верность античным традициям здорового образа жизни. Такая узость мировосприятия оставила школу за пределами университетского движения. Первым университетом считается Болонский, возникший на основе Болонской юридической школы. Именно там правовед Ирнерий впервые стал читать широкой аудитории римское право, что имело принципиальное значение для средневековой Европы. Универсальное римское право должно было стать основой развития единой христианской Европы, зарождающиеся города, активно развивающиеся торговля и ремесла нуждались в правовом обосновании. Именно универсальность

знаний и постоянно шлифуемое мастерство аргументировано выступать на диспутах (используя логику, риторику и далее по списку, а из специальных знаний – корпус текстов) и было основой университетского образования.

Так формировалась культура «умников», которые могли победить соперника в теоретическом споре, ловко оперируя цитатами и строя безупречные силлогизмы.

В дальнейшем эта система образования осталась, как говорится, «принятой за основу» в Новое и Новейшее время. Главными характеристиками университетского образования остаются умение внимательно читать труды авторитетных авторов и строить о них суждение. Так, например, современная французская и английская системы образования еще в старших классах школы требуют от учеников умения написать аргументированные сочинения-комментарии на темы афоризмов или рассуждений из первоисточников. Слова Ницше «Бог мертв», кантовская «максима любого поступка», гегелевская диалектика или «Пир» Платона отлично знакомы всем, кто успешно получил свой бакалавриат по гуманитарным дисциплинам. (Бакалавриат во Франции — эквивалент нашего аттестата о среднем образовании, это система единых государственных экзаменов, которые проводятся по регионам, дающая право поступать в высшие учебные заведения). Таким образом, средневековая система хранит свои традиции, только теперь часть обязанностей факультета свободных искусств перешла в компетенцию средней школы. Впрочем, европейская система университетского образования по-прежнему хранит средневековую ступенчатость. Без экзаменов, по результатам аттестата бакалавра, студент зачисляется на выбранный им факультет, причем, если молодой человек еще не уверен в том, какой именно профессии он готов посвятить свою жизнь, он может записаться сразу на несколько факультетов. Посещение лекций и практикумов — свободное, действует система зачетов, дающих баллы, больше за профильные предметы, меньше за дополнительные, по результатам зачетов студент допускается к сессии, сдает экзамены, позволяющие ему перейти на следующий курс. Первая ступень обучения занимает в разных европейских странах два или три года, после чего студенту все-таки предлагается определиться с выбором специальности, по которой он будет претендовать на звание магистра (в некоторых странах — бакалавра). Вторая ступень обучения длится два или три года и завершается написанием квалификационной работы. Система зачетных баллов и экзаменов остается в силе. После окончания второй ступени студент считается специалистом и может приступать к поиску работы. Те же, кто решают посвятить себя научной деятельности, отправляются на третью ступень обучения, и пишут диссертацию, на что уходит от трех до пяти лет. Эта диссертация дает степень доктора и в европейской системе является единственной.

Таким образом, система формирования европейских «умников» остается прежней. Студент овладевает «свободными искусствами», в выборе которых он более или менее свободен: обязательные и дополнительные предметы могут варьироваться, главное — набрать нужное количество зачетных баллов. Так, одни изучают вначале логику и риторику, а другие отдают предпочтение арифметике, астрономии или музыке, но к окончанию первой ступени обучения результат у всех сходится, а навыки приобретаются почти средневековые: умения дискутировать и знание корпуса текстов (только вот понятие текст по-современному широко трактуется).

Вторая ступень должна наделить студентов профессиональными знаниями, уже не только в области медицины, права и теологии, но и в огромном количестве

других областей. Но выясняется, что университет как «умное место» продолжает и в профессиональной сфере формировать «умников». Возрастает корпус освоенных текстов, шлифуются умения анализировать, сопоставлять, строить гипотезы, экспериментировать и синтезировать. И когда, по окончании второй ступени университета студент выходит на рынок труда, выясняется, что его образование котируется довольно низко, ибо главное достоинство образования для «умников» — подготовка к научной деятельности, в которой наилучшим образом востребованы все качества, приобретенные студентом, а также его умение искать и обрабатывать информацию, аргументировать и подавать ее в наиболее интересном виде.

В XX столетии преимущество получили специализированные школы, существование которых в Европе насчитывает уже несколько веков. Высшие школы существуют во всех европейских странах, прием в них, в отличие от университетов, осуществляется на основе экзаменов по выбранной специальности, а некоторые из них, например, знаменитая французская *Ecole Normale Supérieure*, рассчитана на тех, кто отучился в университете 2-3 года.

Отличие любой Школы в том, что она рассчитана на существующие и востребованные профессии, и дает именно профессиональные навыки, а не общее образование. Именно Школы XX века стали выпускать «знаек», которые, в отличие от «умников» с самого начала обучения представляют себе будущее место работы и стремятся овладеть теми знаниями, которые будут востребованы в практической жизни. Даже такие общеобразовательные дисциплины как культурология, преподаются в Школах применительно к специальности, избранной учеником, а многочасовые системы стажировок позволяют овладеть избранной профессией в деталях еще в стенах учебного заведения. Не удивительно, что при жесткой конкуренции на рынке труда именно выпускники Школ получают преимущество.

Сосуществование двух образовательных систем позволило увидеть недостатки той и другой, и современные образовательные стратегии, кажется, собираются предложить студентам некий «гибрид» профессионального «знайства» и универсального «умничанья».

В эпоху глобализации меняются реперные точки авторитета и принадлежности, мутируют сложившиеся социальные мифологии, деформируются ценностные ориентиры. Система образования неизбежно должна среагировать на эти процессы, предложив некое «глобальное» образование для глобального мира. Одной из таких реакций стал Болонский процесс, призванный обеспечить некий общеевропейский эквивалент оценок тех ступеней, которые прошло «выпекание» специалиста. Однако активизация университетской модели, как представляется, скорее выглядит агонией эпохи «умников», которым было нелегко прожить в мире профессионалов уже и в XX веке. Новое образование должно сочетать в себе «умный» взгляд на мира в целом с практическим «знайством», позволяющим эффективно действовать в этом мире.

В современном мире значимы становятся новые критерии успеха. Формула «время — деньги» превращается в формулу «знание — деньги», а узкий специалист — в узкого специалиста «широко профиля», способного применить свои знания в любой точке мира и в любой области деятельности.

Сетка координат смещается в сторону общения и корпоративности, самостоятельности и ответственности, важным критерием успеха становится мобильность. Понятия «карьерист» и «трудоголик» приобретают позитивный оттенок, а стремление к успеху любой ценой и осознание возможности практического применения своих знаний становится залогом будущего успеха.

Здесь наблюдается параллель с теми критериями идентификации, которые стали значимы в поле виртуальной коммуникации Интернета. Интернет может служить практически чистым полем эксперимента над критериями идентичности. Анонимность виртуального пространства, долгое время существовавшего вне любых институций, сделали его полигоном новых систем представлений об успешности и эффективности. Идентификация себя как «профессионала» в Сети опирается именно на знания. Для осуществления профессиональных практик в Сети необходимо владеть информацией, которая доступна не всем, более того, требуется непрерывно пополнять знания и добывать новую и новейшую информацию. Именно этот аспект профессионального «знайства» существенно влиял на идентичность и сопровождался мифом об авангардности профессий, связанных с Интернетом. Миф поставил профессию Интернет-профессионала в разряд богемных и разукрашивает образ профессионала щедрым набором соответствующих характеристик. Занятость, работа, компетентность обладают несомненной значимостью в мифологическом пространстве современности, и это отражается в сетевом общении.

Таким образом, «знайство», компетентность и занятость, испытанные на полигоне Сети, где они позволяли позиционировать себя как элиту, к концу XX столетия сместились в реальную жизнь. По времени это совпало и повсеместным распространением Сети, которая стала необходимой частью коммуникации любого человека и одним из маркеров процессов глобализации.

В условиях изменения социальной реальности, разрушения и трансформации структур коммуникации по-новому ставится проблема самоидентификации человека, разрушается устоявшаяся система социальной мифологии и появляются новые образы-типы-критерии, которые должны сложиться в новую систему социальных мифов. Возникает необходимость создания каналов трансляции знаний, универсального символического капитала, который позволяет обрести необходимую мобильность и независимость от устоявшейся национальной культурной специфики, с которой было связано сложение профессионального образования.

Одной из главных ценностей современного общества становится свобода, которая выступает в пяти ипостасях: это свобода быть, действовать, передвигаться, знать и принимать новое.

Свобода быть затрагивает мифологию времени. Профессионалу свойственна некоторая перспектива, расчет на эту перспективу и жизненная стратегия, с нею связанная. Поэтому образованный профессионал относится к себе с уважением и собой очень занят. Отсюда – сохранение ценностей среднего класса: здоровый образ жизни, качественное образование, медобслуживание и защита окружающей среды.

Второй аспект – свобода действовать, расчет на собственные силы. Образ *self-made*, порожденный идеологией Просвещения, по-прежнему является одним из основных в социальной мифологии успеха. Главное для современного профессионала — это реализация своей деятельности в модусе «я могу», так в современной культуре трансформируются ценности индивидуализма. Умение реализовать полученные знания в заданном формате — одно из требований, предъявляемых к специалисту сегодня. Его сознание должно работать в модусе аффирмации, и универсальный взгляд на мир должен сочетаться в нем с умением действовать в конкретных условиях.

Свобода передвигаться связана с необходимостью мобильности, корни которой — в экономической глобализации. Рынок труда сегодня обширен, самым

перспективным местом становится Восток, поэтому успешных профессионал должен владеть языками, быть готовым к общению и взаимодействию с другими культурами, оказаться в нужном месте в нужное время.

Свобода знать выходит в мифологии профессионализма на первый план. Становятся важны добыча знаний и проблема понимания, верной формулировки проблемы и определения путей ее наилучшего устранения, определения области незнания. На смену интеллигенту в классическом понимании (независимость мышления, озабоченность духовным развитием, которое слабо связано с профессией и карьерой, отсутствие материальной доминанты в мотивации), приходит интеллеktуал, который жестко увязывает свои духовные потребности и интересы, профессиональную деятельность и доходы. Его интеллект отличается прагматическим характером, он много работает и не имеет ни сил, ни времени на духовный рост, не связанный с карьерой. Только компетентность позволяет накапливать тот символический капитал, который непременно конвертируется в финансовый — таков сюжет мифа. Профессионал принимает решения, и эти решения влияют на деятельность тех, чьи проблемы они снимают. Критерием верности решения выступает практический смысл (П. Бурдьё), решение должно быть эффективно, не имеет значение, банален путь к успеху или креативен. В образ профессионала входит умение творчески мыслить и разумно рисковать — свобода знать предполагает свободу принимать новое.

Свобода знать и принимать новое основывается на переосмыслении ценности прошлого и будущего. Однако бережное внимание к прошлому не есть бессмысленная ностальгия, а, скорее, культурологическая хватка, прагматично оценивающая степень нужности знания о другой культуре — прошлой или современной.

Для современной культуры нервом становится анализ настоящего, пропитанный столь стремительно нарастающими тенденциями глобализации и противостояния культур, что гипотезы прошлого и будущего отступают на второй план. В контексте перемен (экономических, социальных, интеллектуальных, экологических) именно настоящее становится ценностью, а ось времени и корпус выросших на этой оси текстов — лишь багажом, который разумный человек возьмет с собой в путешествие за успехом.